

ПОТЕНЦИАЛ SOFT POWER В ПОЛИТИЧЕСКОМ КОНЦЕПТЕ «РУССКИЙ МИР»: ПРЕДПОСЫЛКИ И ПЕРСПЕКТИВЫ ИССЛЕДОВАНИЙ

Бочаров Алексей Васильевич,

Медиа-холдинг «Регионы России»,
директор департамента,
г. Екатеринбург, Россия,
E-mail: alexboc@bk.ru

Аннотация

В статье А. В. Бочарова «Потенциал soft power в политическом концепте «Русский мир»: предпосылки и перспективы исследований» представлены актуальные вопросы научного познания ключевого компонента российской «мягкой силы» – концепта «Русский мир». В статье характеризуется роль русского языка, взаимосвязь «Русского мира» с soft power Китая. Освещены оценки российского концепта интеллектуалами США и Западной Европы и вопросы институционализации «Русского мира».

Ключевые слова:

русский мир, soft power, русский язык, Китай, США, Западная Европа, институционализация.

С момента первых теоретических упоминаний феномена soft power в научном и публицистическом сообществах укоренилось отождествление данного понятия с Североамериканским (максимум, с Североатлантическим) геополитическим регионом как центром обоснования и практического применения политики «мягкой силы» (в исследованиях встречаются и другие варианты перевода на русский язык: мягкая мощь, гибкая сила, мягкая власть и прочие, под которыми понимается способность изменять поведение других акторов без принуждения или подкупа [5]).

Происхождение данного направления, предназначенного для внешнеполитической сферы, не подвергается дискуссии: авторство большинства соответствующих теоретических концепций принадлежит академическим кругам США [20, с. 23]. Преимущественно западные истоки имеют и смежные направления политической науки и практики, ориентированные на изучение и применение рекламных, маркетинговых, развлекательных компонентов «мягкой силы» и неразрывно связанные с фило-

софской традицией постмодерна и феноменами культуры общества массового потребления [12, с. 57, 59].

Только десять лет назад проявила себя тенденция пространственной демонополизации распространения взглядов и методов soft power в мире, когда о нетрадиционных методах усиления внешнеполитического влияния («создания потенциала нематериального воздействия на другие страны» [8, с. 144]) официально объявили власти КНР. В Сеуле в 2004 году открыт первый институт Конфуция, с которого началась глобальная реализация китайской версии soft power – «гармоничного мира», живущего по правилам «золотой середины» [4, с. 43] (вскоре были оглашены планы довести к 2020 году число носителей китайского языка как иностранного до 100 млн. человек [25], к этому же сроку должен быть открыт тысячный по счету институт Конфуция). Помимо доминировавшей прежде академической среды США, политическая стратегия soft power теперь стала постоянным объектом исследований ученых Китая, Южной Кореи и Японии [24].

Конференц-зал

На роль заимствованного евразийского аналога того политологического направления, которое разрабатывается в США с 1980-х годов и впервые получило конкретные очертания как *soft power* в работах профессора Джозефа Ная [27], отчасти претендует концепт «Русский мир» (автор настоящей статьи предлагает исходить из определения ученого, д. филол. н. А. П. Бабушкина, считавшего концепт «дискретной, содержательной единицей коллективного сознания, отражающей предмет реального или идеального мира и хранимой в национальной памяти носителей языка в вербально обозначенном виде» [2, с. 53]). Публицистические и философские искания обоснований «Русского мира» продолжают не одно десятилетие, прототипам и прообразам данного понятия посвящены труды И. А. Ильина, Н. А. Бердяева, Н. О. Лосского и П. А. Сорокина. Так, последний сделал «попытку выделить отличительные черты русской нации как социокультурной системы, являющейся частью мирового сообщества». По его мнению «совокупность основных черт русской нации включает ее сравнительно длительное существование, огромную жизнеспособность, замечательное упорство, выдающуюся готовность ее представителей идти на жертвы во имя выживания и самосохранения нации, а также необычайное территориальное, демографическое, политическое, социальное и культурное развитие в течение ее исторической жизни» [18, с. 33]. В этом «фундаментальном» ряду целесообразен сегодняшний поиск и конструирование привлекательных образов-соблазнов, без которых реализация отечественной *soft power* в принципе невозможна.

Что касается современного понимания явления «Русский мир», то, по наблюдению члена-корреспондента РАН В. А. Тишкова, «в академическом плане речь идет о феномене российской диаспоры, актуализировавшейся в нашей жизни с эпохой горбачевской либерализации и с открытием России для внешнего мира и внешнего мира для России» [17, с. 21], когда начала проявляться социальная и поли-

тическая рефлексия по вопросам российской и русской идентичности. Как отметил отечественный американист, д. пол. н. И. А. Зевелев, «после распада Советского Союза миллионы людей, считающих себя русскими, оказались разделены политическими границами. Впервые на протяжении своей многовековой истории и не по своей воле они стали гражданами (или лицами без гражданства) нескольких соседних стран», возник дискурс о «разделенном народе» [6], глубоким исследованиям которого посвящены, в частности, работы Р. Э. Бараш из Института социологии РАН [3, с. 124–154].

В этой связи горизонт научного поиска методологий российского *soft power* и «Русского мира» как интеграционного проекта в очередной раз должен быть связан с дискурс-анализом гуманитарных практик и технологий *soft power* Китая, имеющего значительный опыт в преодолении воздействия «мягкой силы» Запада. Как замечает один из основоположников отечественной школы дискурсологии, д. пол. н. О. Ф. Русакова, именно произошедшим ранее ослаблением советской «мягкой силы» «китайские исследователи объясняют распад Советского Союза», который «в конце XX века оказался под мощным влиянием «мягкой» силы Запада и не смог противостоять ему посредством собственных инструментов *soft power*» [13, с. 253].

Колоссальная социальная значимость всесторонних исследований концепта «Русский мир» обусловлена также тем, что по некоторым данным «российская диаспора в мире в начале XXI века превысила 25 млн. человек и заняла по численности второе место после китайской» [9, с. 167]. Распространение и поддержка русского языка, развитие интереса к русскому языку за рубежом само по себе рассматривается в качестве ключевого элемента *soft power*, как минимум, на постсоветском пространстве [3, с. 152; 9, с. 170]. Следующий прогрессивный этап становления «мягкой силы» «Русского мира» образует концепция русского двуязычия, в соответствии с которой русский язык «остаётся языком идентичности, плюс владе-

Конференц-зал

ние любым из мировых языков коммуникации автоматически даст России стратегический шанс и тактическое преимущество в борьбе за пространство смыслов» [11, с. 189].

Кроме того, мощнейший импульс к актуализации исследований проекта «Русский мир» получен в результате недавних событий 2014 года: «русской весны» в Крыму (нена시льственного вхождения полуострова в состав России, хотя и с помощью «вежливых людей» в военной форме) и трагических военных столкновений на юго-востоке Украины. Юго-восток активно позиционируется как значимая часть «так называемого широкого русского мира» [10], которая в значительном количестве медийных источников стала настойчиво именоваться Новороссией, «воскреснув из информационного небытия» [16].

Еще один аспект функционирования концепта «Русский мир», нуждающийся в более глубоком изучении, лежит во взаимодействии данной теоретической и политико-практической модели с другими дискурсивно-самостоятельными составляющими российской soft power. Речь идет, например, о дискурсе ближнего зарубежья, идее поддержки соотечественников, актуальном проекте Евразийского Союза [1] или гораздо более широких дискурсах патриотизма или национализма.

В правящем и интеллектуальном истеблишменте Запада, в основном, господствуют скептические настроения относительно российской вариации soft power и «Русского мира» в частности. С одной стороны, накоплен некоторый теоретический опыт осознания права «русской цивилизации» на «широкие уровни цивилизационной идентичности», продемонстрированный американским политологом и социологом С. Ф. Хантингтоном [19, с. 193]. С другой стороны, в русле практической политики преобладают нарочитое игнорирование и критика наднациональных целей России как средоточия «Русского мира», сопряженные с упрощенным антисоветизмом и персонализацией «негативных» событий с личностью президента Российской Федерации В. В. Путина.

Например, в изданной в июне 2014 года книге мемуаров бывшего государственного секретаря США Х. Клинтон «Hard Choices» («Сложные решения») отдельное внимание уделено характеристике актуальной роли России (глава 11 «Russia: Reset and Regression» – «Россия: Перезагрузка и Регресс»). И хотя бывшая глава внешнеполитического ведомства, чьи карьерные устремления простираются на должность следующего президента в 2016 году, не упоминает понятие «Русский мир» буквально, но ревностное отношение к нему отчетливо прослеживается в употреблении таких не нуждающихся в переводе явлений и событий, как «Russian expansionism» [21, p. 211, 229, 236, 239, 244–245, 503], «re-Sovietization» [21, p. 239, 241–242, 245] и «invasion of Crimea» [21, p. 212, 227, 230, 236, 239–242, 363]. Из логики Х. Клинтон проистекает вполне американизированный вывод о том, что «Русский мир», основанный на «подавлении внутреннего инакомыслия» [21, p. 245], не является консолидирующим политическим концептом. Напротив: «агрессивный образ «Великой России» нервирует соседей и вызывает неприятные воспоминания о советском экспансионизме» [21, p. 229]. Созвучные и подробно обоснованные суждения обнаруживаем в актуальной статье директора Программы нераспространения ядерного оружия в Восточной Азии Дж. Льюиса (James Martin Center for Nonproliferation Studies, США) для журнала «Foreign Policy»: автор утверждает, что «импульс Кремля контролировать население внутри страны теперь распространяется наружу – на соседей за пределами России» [26].

В западноевропейском интеллектуальном сообществе столь ожесточенные позиции встречаются реже, чем в США, но общая тональность разнится мало. Британский автор Ангус Роксборо (его перу принадлежит труд «Сильный лидер: Владимир Путин и борьба за Россию» – одна из пяти лучших книг о В. В. Путине, по версии профессора истории из Принстонского университета Стивена Коткина) в своей работе в апреле 2014 года для

Конференц-зал

журнала «New Republic» подчеркивает возрастающую популярность концепции «Русского мира», но считает это «лишь маленьким шагом от национализма к шовинизму, в связи с кризисом на Украине глубоко побежавшему по российским венам» [28]. Штеффен Добберт из немецкого издания «Die Zeit» называет «Русский мир» «боевым понятием», посредством которого Москва показывает, что Россия чувствует себя ответственной за россиян, которые (еще) живут не в России»; присоединение Крыма является «аннексией-захватом одним государством части другого впервые в Европе после Второй мировой войны; а фонд «Русский мир» – это «инструмент пропаганды Путина», который нельзя ставить в один ряд, например, с другим общеизвестным каналом европейской soft power – Институтом Сервантеса [22].

Концепт «Русский мир» вызывает настоящий интерес исследователей и в странах бывшего СССР. Так, проблематика «soft power по-русски» представлена в работах известного литовского политолога из Вильнюсского университета Нериюса Малюкявичюса, который полагает, что «Россия запоздало пользуется такими понятиями, поскольку в странах Запада эта концепция давно вышла из оборота», «и в академическом, и во внешнеполитическом дискурсе разговоры о «мягкой силе» были популярны лет десять назад». Вместе с тем, указанный эксперт допускает «рейтинг» эффективности отдельных содержательных компонентов российской soft power: это «идеология антифашизма (притягательна для европейцев), идея суверенной демократии (притягательна для евразийских политических элит) и идея «Русского мира». Наименьшая притягательность последнего, согласно позиции исследователя из Литвы, предопределена исключительно региональным (постсоветским) и этноцентричным наполнением концепта [1]. Словно в противовес, другие авторы постсоветского пространства, анализирующие феномены и потенциал российской soft power, предупреждают о необходимости организации «коммуникативных внедиаспоральных функций» во избежание изоляции «Русского

мира» [14, с. 18–19]. Помимо вышеназванного владения русским языком, в качестве внедиаспоральных признаков принадлежности к «Русскому миру» могут рассматриваться: знание русской культуры и принятие ее ценностей, чувство сопричастности к русской истории, а также индивидуальная самоидентификация с широким русским миром.

Наблюдаемое антагонистическое отношение к России внешних акторов soft power, действующих на политической карте мира, нецелесообразно воспринимать как долговременный, «тектонический» процесс противостояния с «Русским миром», иначе будет велик риск искажения, излишней политизации и примитивизации, ангажированности научных исследований. На начальном этапе формирования, например, китайской модели «мягкой силы» ее апологеты также признавали дефицит культурно-ресурсной базы и другие дисбалансы, препятствующие быстрому успеху проекта soft power от КНР [25] и имели дело с распространением извне мифологии отрицательных смыслов о Китае: «китайской угрозе» и «крахе Китая» [23]. Перед тем, как достигнуть существенных результатов на пути к «гармоничному обаянию» зарубежного мира, китайским специалистам приходилось и приходится противостоять идеологическим провокациям, развенчивая навязываемые мифы об «угрожающей опасности» Поднебесной; в результате чего «теория китайской угрозы» постепенно теряет популярность на Западе [4, с. 45–46].

Особое исследовательское направление формируют вопросы институционализации «Русского мира» – как формальной, так и неформальной. Если неформальная институционализация осуществлялась и в предыдущий период по мере самоорганизации российских и пророссийских диаспор, то становление формальных институтов «Русского мира» активно происходит в последние годы, благодаря целенаправленной политике государства.

В этом аспекте Россия, восстанавливающая внешнеполитический потенциал, делает свои первые шаги в реализации стратегии soft

Конференц-зал

power: в 2002 году создан Совет по русскому языку при правительстве РФ, в 2003 году зарегистрирован Международный Совет российских соотечественников, указом президента РФ от 21 июня 2007 года образован упоминаемый выше фонд «Русский мир» [9, с. 169], действуют специальное самостоятельное ведомство – Россотрудничество (на месте прежнего внутриведомственного Росзарубежцентра при МИД РФ) и номинально-неправительственные организации. Кроме того, увеличивает охват аудитории англоязычный телеканал Russia Today (российский аналог Al Jazeera, France24, китайского CCTV и др.), в российских вузах растет число иностранных студентов. Изложенное целесообразно дополнить вопросами развития программ культурного и делового обмена на уровне публичной и низовой дипломатии [5]. Автор настоящей статьи намеренно избегает попыток анализа институциональной роли Русской Православной Церкви в продвижении концепта «Русский мир» в силу особой специфики религиозной проблематики и неоднозначности дискуссионных оценок о допустимых границах клерикализации soft power, вместе с тем, признавая, что значение РПЦ в российской политике «мягкой силы» полноправно формирует предметное поле обособленного научно-философского поиска.

В целом концепт «Русский мир», представленный как человеческий и интеллектуальный капитал, семантически и семиотически несет в себе преимущества конструирования позитивных смыслов и образов, по сравнению с устаревающей парадигмой константы враждебности России и Запада, предполагающей оборонительно-защитный контент идеологической повестки. Несмотря на то, что ряд исследователей предпочитает мыслить о роли России в мире категориями противоборства [7], по мнению автора данной статьи изоляционистская ментальность и дуальная модель миропонимания «агрессор – жертва» существенно ограничивают прогрессивные возможности страны в эпоху soft power.

В резюмирующей части отметим, что концепт «Русский мир» представляет со-

бой системообразующую часть и духовное, исторически детерминированное основание российской «мягкой власти». Изучение этого феномена не представляется возможным без сопоставления и конструктивного заимствования методологий soft power Китая, а также без исследования актуальных полярных взглядов и воззрений на концепт «Русский мир» со стороны североамериканского и западноевропейского интеллектуальных сообществ и позиций авторов в границах постсоветского пространства. Особого внимания в изучении трендов и тенденций «Русского мира» заслуживают институты, функционирование которых организационно-практически оплодотворяет рассматриваемый концепт.

---

1. Амелюшкин К. Политолог: Россия запоздала со своей концепцией «мягкой силы» [Электронный ресурс] // DELFI (Балтия). 16.01.2013. URL: <http://ru.delfi.lt/news/politics/politolog-rossiya-zapozdala-so-svoej-koncepciej-myagkoj-sily.d?id=60446577> (дата обращения: 20.04.2014).

2. Бабушкин А.П. Типы концептов в лексико-фразеологической семантике языка / А.П. Бабушкин // Воронеж: Изд-во Воронежского гос. ун-та. 1996. 104 с.

3. Бараш Р.Э. Явление разделенных этнонациональных групп: политологический анализ / Р.Э. Бараш // Saarbrücken: LAP Lambert Academic Publishing, 2010. p. 188.

4. Борох О.Н., Ломанов А.В. Скромное обаяние Китая / О.Н. Борох, А.В. Ломанов // Pro et Contra: Журнал российской внутренней и внешней политики. 2007. № 6 (39). С. 41–60.

5. Долинский А.В. Практические вопросы оптимизации российской публичной дипломатии / А.В. Долинский [Электронный ресурс] // Фонд «Русский мир». Информационный портал. 16.03.2010. URL: <http://www.russkiymir.ru/analytics/tables/news/119896/> (дата обращения: 01.07.2014).

6. Зевелев И.А. Границы русского мира / И.А. Зевелев [Электронный ресурс] // The Smart Power Journal. 03.07.2014. URL: <http://smartpowerjournal.ru/030714/> (дата обращения: 10.07.2014).

7. Карякин В.В. Хаосомятеж – символ наступившей эпохи / В.В. Карякин [Электронный ресурс] // Национальная оборона. 2013. Март. URL: <http://www.oborona.ru/includes/periodics/geopolitics/2013/0306/095110313/detail.shtml> (дата обращения: 10.05.2014).

8. Ломанов А.В. Гармония превыше всего / А.В. Ломанов // Россия в глобальной политике. 2007. № 6. С. 132–145.

9. Пивовар Е.И. Русский язык и русский мир как факторы социокультурного диалога на постсоветском пространстве / Е.И. Пивовар // Гуманитарные чтения РГГУ – 2010. Пленарное заседание «Диалог культур и партнерство цивилизаций: формирование глобальной культуры». М., 2010. С. 167–170.

10. Путин В.В. Выступление на совещании постоян-

Конференц-зал

ных послов и представителей России / В.В. Путин [Электронный ресурс]. Президент России. Официальный сайт. 01.07.2014. URL: <http://www.kremlin.ru/transcripts/46131> (дата обращения: 10.07.2014).

11. Россия и «Русский мир»: контуры российской политики в отношении соотечественников на постсоветском пространстве / Под ред. Шмелева Б.А., Мухина Я.Б., Омарова З.М. М.: Аванглион. 2009. 265 с.

12. Русакова О.Ф. Дискурс современной политической философии: становление новой концептуальной сферы / О.Ф. Русакова // Научные ведомости Луганского национального университета им. Тараса Шевченко. Серия «Филологические науки». 2013. № 1 (37). С. 56–72.

13. Русакова О.Ф. «Мягкая» сила стран Азии / О.Ф. Русакова // Известия Уральского федерального университета. Сер. 2, Гуманитарные науки. 2012. № 4 (108). С. 250–258.

14. Скринник В.М. Россия и зарубежные соотечественники: проблемы консолидации и интеграции в новых геополитических условиях / В.М. Скринник. Бишкек. Изд-во Кыргызско-Российского Славянского ун-та. 2008. 432 с.

15. Столетов О.В. Тренды трансформации властных отношений в мировой политике: smart power? / О.В. Столетов // Полис. Политические исследования. 2009. № 4. С. 173–178.

16. Ткачев Ю. Новороссия: упущенные шансы Украины / Ю. Ткачев // [Электронный ресурс]. Таймер. 03.07.2014. URL: http://timer.od.ua/minds/novorossiya_upuschennie_shansi_ukraini_535.html (дата обращения: 06.07.2014).

17. Тишков В.А. Русский мир: смысл и стратегии / В.А. Тишков // Стратегия России. 2007. № 7. С. 21–38.

18. Фархутдинова Ф.Ф. Такое простое и понятное слово русский // Вестник совета по русскому языку при главе администрации Ивановской области. Иваново, 2003. № 2/3. С. 21–33.

19. Хантингтон С. Столкновение цивилизаций / С. Хантингтон // М.: Изд-во АСТ. 2003. 603 с.

20. Харкевич М.В. «Мягкая сила»: политическое использование научной концепции / М.В. Харкевич // Вестник МГИМО-Университета. 2014. № 2 (35). С. 22–29.

21. Clinton H.R. Hard Choices / H.R. Clinton // New York: Simon & Schuster. 2014. 635 p.

22. Dobbert V.S. Darauf einen Wodka! / V.S. Dobbert [Электронный ресурс] // Die Zeit. 26.05.2014. URL: <http://www.zeit.de/2014/22/ruski-mir-kulturinstitut-in-hamburg/komplettansicht> (дата обращения: 20.06.2014).

23. Gordon G. Chang. The coming collapse of China / G. Chang Gordon // Random House. New York. 2001. 346 p.

24. Holik Gregory G. Paper Tiger? Chinese Soft power in East Asia / Gregory G. Holik // Political Science Quarterly. – Vol. 126, Number 2, Summer 2011. – Pp. 223–254.

25. Letian P. Confucius Institute: promoting language, culture and friendliness / P. Letian [Электронный ресурс] // Xinhua News Agency. 02.10.2006. URL: http://news.xinhuanet.com/english/2006-10/02/content_5521722.htm (дата обращения: 08.07.2014).

26. Lewis J. The Sources of Putin's Conduct / J. Lewis [Электронный ресурс] // Foreign Policy. 15.07.2014. URL: http://www.foreignpolicy.com/articles/2014/07/15/sources_putin_conduct_kremlin_cold_war_arms (дата обращения: 17.07.2014).

27. Nye J.S. Soft Power: The Means to Success in World Politics / J.S. Nye // New York: Public Affairs, 2004. 191 p.

28. Roxburgh A. The Mood in Moscow Has Gone From Nationalist to Chauvinist / A. Roxburgh [Электронный ресурс] // The New Republic. 04.04.2014. URL: <http://www.newrepublic.com/article/117278/chauvinism-rise-russia> (дата обращения: 30.06.2014).

1. Amelyushkin K. Politolog: Rossiya zapozdala so svoej koncepciej «myagkoj sily» [E'lektronnyj resurs] // DELFI (Baltiya). 16.01.2013. URL: <http://ru.delfi.lt/news/politics/politolog-rossiya-zapozdala-so-svoej-koncepciej-myagkoj-sily.d?id=60446577> (дата обращения: 20.04.2014).

2. Babushkin A.P. Tipy konceptov v leksiko-frazeologicheskoj semantike yazyka / A.P. Babushkin // Voronezh: Izd-vo Voronezhskogo gos. un-ta. 1996. 104 s.

3. Barash R.E'. Yavlenie razdelenykh e'tnonacional'nykh grupp: politologicheskij analiz / R.E'. Barash // Saarbrücken: LAP Lambert Academic Publishing, 2010. p. 188.

4. Borox O.N., Lomanov A.V. Skromnoe obyanie Kitaya / O.N. Borox, A.V. Lomanov // Pro et Contra: Zhurnal Rossijskoj vnutrennej i vneshnej politiki. 2007. № 6 (39). S. 41–60.

5. Dolinskij A.V. Prakticheskie voprosy optimizacii Rossijskoj publichnoj diplomatii / A.V. Dolinskij [E'lektronnyj resurs] // Fond «Russkij mir». Informacionnyj portal. 16.03.2010. URL: <http://www.ruskiymir.ru/analytics/tables/news/119896/> (дата обращения: 01.07.2014).

6. Zevelev I.A. Granicy russkogo mira / I.A. Zevelev [E'lektronnyj resurs] // The Smart Power Journal. 03.07.2014. URL: <http://smartpowerjournal.ru/030714/> (дата обращения: 10.07.2014).

7. Karyakin V.V. Хаосомыатеж – символ наступившей эпохи / V.V. Karyakin [E'lektronnyj resurs] // Nacional'naya oborona. 2013. Mart. URL: <http://www.oborona.ru/includes/periodics/geopolitics/2013/0306/095110313/detail.shtml> (дата обращения: 10.05.2014).

8. Lomanov A.V. Garmoniya prevyshe vsego / A.V. Lomanov // Rossiya v global'noj politike. 2007. № 6. S. 132–145.

9. Pivovar E.I. Russkij yazyk i russkij mir kak faktory sociokul'turnogo dialoga na postsovetском prostranstve / E.I. Pivovar // Gumanitarnye chteniya RGGU – 2010. Plenarnoe zasedanie «Dialog kul'tur i partnerstvo civilizacij: formirovanie global'noj kul'tury». M., 2010. S. 167–170.

10. Putin V.V. Vystuplenie na soveshhanii postoyannykh poslov i predstavitelej Rossii / V.V. Putin [E'lektronnyj resurs]. Prezident Rossii. Oficial'nyj sajt. 01.07.2014. URL: <http://www.kremlin.ru/transcripts/46131> (дата обращения: 10.07.2014).

11. Rossiya i «Russkij mir»: kontury Rossijskoj politiki v otnoshenii sootchestvennikov na postsovetском prostranstve / Pod red. Shmeleva B.A., Muxina Ya.B., Omarova Z.M. M.: Avanglion. 2009. 265 s.

12. Rusakova O.F. Diskurs sovremennoj politicheskoj filosofii: stanovlenie novoj konceptual'noj sfery / O.F. Rusakova // Nauchnye vedomosti Luganskogo nacional'nogo universiteta im. Tarasa Shevchenko. Seriya «Filologicheskie nauki». 2013. № 1 (37). S. 56–72.

13. Rusakova O.F. «Myagkaya» sila stran Azii / O.F. Rusakova // Izvestiya Ural'skogo federal'nogo universiteta. Ser. 2, Gumanitarnye nauki. 2012. № 4 (108). S. 250–258.

14. Skrinnik V.M. Rossiya i zarubezhnye

Конференц-зал

- sootchestvenniki: problemy konsolidacii i integracii v novyx geopoliticheskix usloviyax / V.M. Skrinnik. Bishkek. Izd-vo Kyrgyzsko-Rossijskogo Slavyanskogo un-ta. 2008. 432 s.
15. Stoletov O.V. Trendy transformacii vlastnyx otnoshenij v mirovoj politike: smart power? / O.V. Stoletov // Polis. Politicheskie issledovaniya. 2009. № 4. S. 173–178.
16. Tkachev Yu. Novorossiya: upushhennye shansy Ukrainy / Yu. Tkachev // [E'lektronnyj resurs]. Tajmer. 03.07.2014. URL: http://timer.od.ua/minds/novorossiya_upuschennye_shansi_ukraini_535.html (data obrashheniya: 06.07.2014).
17. Tishkov V.A. Russkij mir: smysl i strategii / V.A. Tishkov // Strategiya Rossii. 2007. № 7. S. 21–38.
18. Farxutdinova F.F. Takoe prostoe i ponyatnoe slovo russkij // Vestnik soveta po russkomu yazyku pri glave administracii Ivanovskoj oblasti. Ivanovo, 2003. № 2/3. S. 21–33.
19. Xantington S. Stolknovenie civilizacij / S. Xantington // M.: Izd-vo AST. 2003. 603 s.
20. Xarkevich M.V. «Myagkaya sila»: politicheskoe ispol'zovanie nauchnoj koncepcii / M.V. Xarkevich // Vestnik MGIMO-Universiteta. 2014. № 2 (35). S. 22–29.
21. Clinton H.R. Hard Choices / H.R. Clinton // New York: Simon & Schuster. 2014. 635 p.
22. Dobbert V.S. Darauf einen Wodka! / V.S. Dobbert [E'lektronnyj resurs] // Die Zeit. 26.05.2014. URL: <http://www.zeit.de/2014/22/russki-mir-kulturinstitut-in-hamburg/komplettansicht> (data obrashheniya: 20.06.2014).
23. Gordon G. Chang. The coming collapse of China / G. Chang Gordon // Random House. New York. 2001. 346 p.
24. Holik Gregory G. Paper Tiger? Chinese Soft power in East Asia / Gregory G. Holik // Political Science Quarterly. – Vol. 126, Number 2, Summer 2011. – Pp. 223–254.
25. Letian P. Confucius Institute: promoting language, culture and friendliness / P. Letian [E'lektronnyj resurs] // Xinhua News Agency. 02.10.2006. URL: http://news.xinhuanet.com/english/2006-10/02/content_5521722.htm (data obrashheniya: 08.07.2014).
26. Lewis J. The Sources of Putin's Conduct / J. Lewis [E'lektronnyj resurs] // Foreign Policy. 15.07.2014. URL: http://www.foreignpolicy.com/articles/2014/07/15/sources_putin_conduct_kremlin_cold_war_arms (data obrashheniya: 17.07.2014).
27. Nye J.S. Soft Power: The Means to Success in World Politics / J.S. Nye // New York: Public Affairs, 2004. 191 p.
28. Roxburgh A. The Mood in Moscow Has Gone From Nationalist to Chauvinist / A. Roxburgh [E'lektronnyj resurs] // The New Republic. 04.04.2014. URL: <http://www.newrepublic.com/article/117278/chauvinism-rise-russia> (data obrashheniya: 30.06.2014).

POTENTIAL OF SOFT POWER IN A POLITICAL CONCEPT «RUSSIAN WORLD»: PREREQUISITES AND PROSPECTS OF RESEARCHES

Bocharov Aleksei Vasillievich,

Department director of «Regions of Russia» media holding,
Ekaterinburg, Russia,
E-mail: alexboc@bk.ru

Annotation

This article «Potential of soft power in a political concept «Russian world»: prerequisites and prospects of researches» is written by A.V. Bocharov. All current issues of scientific knowledge a key component of Russia's soft power – the concept of «Russian World». The article characterizes the role of the Russian language, the relationship of the «Russian World» with the soft power of China. Evaluation of the Russian concept by intellectuals from U.S. and Western Europe and issues of institutionalization of «Russian world» are covered.

Key words:

Russian world, soft power, Russian, China, USA, Western Europe, institutionalization.